

Все звуки мира тянутся ко мне

Автор: Светлана Поливанова

Однажды известный критик Константин Яковлев написал об Андрее Тарханове как о человеке с первозданно-простым и наивным восприятием мира, с чрезвычайно естественным и детски искренним отношением к природе. Думаю, именно эта чистота души позволила Андрею Семеновичу вырасти со временем в поэта-философа, человека, который чувствует боль других. И эти страдания откликаются в его сердце светлой поэтической строкой. В октябре известный мансийский поэт отметил 75-летний юбилей.

– Как начинался ваш жизненный путь?

– Волею судьбы я оказался в языческом краю, в языческой деревне. А душу мою слепила бабушка – Матра (Матрёна) Александровна... Матра – это интересно. В Венгрии есть горы Матра. И это уже связи, родство. Отец ушёл воевать на финскую. Потом воевал на фронтах Отечественной – и всё на Карельском перешейке. В 1944 году он погиб. Мама на работе. А я всё с бабушкой. Отчётливо помню: пасхальный день, она меня усаживала к окошку и говорила: вот солнце будет играть. И действительно, оно играло. И сейчас оно для меня играет. Как только солнце на горизонте встанет, я выхожу на высокое место – и солнце как будто покачивается.

Это сказалось потом на моих пасхальных стихах. Хотя все языческое вокруг: священные амбары, священный кедровник, у крыльца – священные лиственницы.

– Я хотела спросить об этом. Вы часто в стихах говорите, что вы язычник, вкладывая, по-видимому, в это глубокий смысл.

– Начнём с того, что Русь начиналась с язычества. У нас в народе всегда отдавали дань тому, что окружало. Вот речка маленькая – Аманье (в дословном переводе – «маленькая речка»). Она давала рыбу. Или озеро Туман. Огромное озеро в Кондинском районе длиной 30 километров, шириной 5–7. И вот тот берег – он всегда в тумане, отсюда название. Люди давали точные и поэтические названия всему. Этому

стоит только удивляться. Язычество – это настроение души народа, отдельного человека.

У нас вся жизнь строилась из уважения к тому, что нас окружает: коровы, лошади, лес, озеро. У меня есть стихотворение о том, как я однажды прикоснулся к лиственнице. К ней по нашим обычаям нельзя прикасаться. Прикоснулся и зажмурил глаза – вот сейчас будет наказание. И ничего. В стихотворении говорится о том, что когда я нарушил этот запрет – стал поэтом. Я прибежал домой: «Мама, лиственница со мной говорила». Старшие переглянулись: «Ну вот, признала тебя., у священных так: если приняли человека – значит будут помогать ему».

Помню, как ухаживали всей деревней за речкой, которая делила на две половинки нашу деревню. Прошла буря, мы убирала деревья, которые повалило. Проверяем, не завалило ли ямы, где отдыхает рыба. И никаких указаний сверху не надо. Община следила за всем сама.

Так получилось, что языческие традиции переплелись в нашем роду с православной верой. Моя бабушка была крещёная. У нас дома висела икона Ильи Пророка (я назвал в честь него сына). А бабушка помолится и идёт в амбар священный, туда несёт дары. Продолжаются две линии.

– Мне кажется, и у вас это переплелось, и в вашем творчестве идут две линии жизненного мировоззрения, где-то обогащая, где-то дополняя друг друга.

– Это всегда удивляло близких мне людей. Вот посмотрите, в Ханты-Мансийске семь холмов. Я тоже писал об этом. Один из них – молённая гора. Открытая поляна. Даже Белогорье видно. Как на ладони – разлив, почти как море, Обь сливается с Иртышом. А вот дальше, где был прежде пионерский лагерь, поляна, кедрач. Вот здесь когда-то предки могли собираться и производить священные действия – лучше места нет. Вот он – холм, священного огня. Тут горел костёр, и шаман камлал...

И я. всех гостей всегда водил туда. Сейчас кедры, ёлочки подросли.

В прежние времена эти места, назывались не холмы, а горы. Когда приезжал цесаревич Николай, он взглянул на Самаровскую гору и за метил: «Хороша горка». Это всем тогда запомнилось и понравилось.

– Такой взгляд в прошлое из настоящего...

– Я ведь потом об этом написал киносценарий. У меня есть три киносценария, к сожалению, они пылятся где-то на архивных полках.

– *Тем не менее у вас вышла книга «Пасхальный день» ...*

– После её выхода в свет меня упрекали в том, что я забываю свои корни. Ведь язычество жило и в малых народах. И согласно географическому местоположению, каким-то обычаям, традициям – у людей был свой уклад жизни.

– *Для вас какой язык является родным?*

– Русский. Когда бабушка с мной разговаривала, я её понимал. А чтобы знать язык, надо было с кем-то общаться.

– *Может, поэтому всё переплелось в вашей судьбе. Ведь слово, язык – носители традиций. И русский язык базировался на тех корнях, что достались вам от предков.*

– В школе нас учили только на русском языке. Тогда о национальных языках даже речи не было. В необходимом предисловии к книге я написал о том, что мы язычники, а православие пришло к нам не как какой-то чужеродный элемент, а как продолжение. Да, бежали остяки и вогулы от Филофея Лещинского. Но прихватывали с собой деревянных идолов. У коренных народов были Бог ветра, Бог земли. Но я не помню, чтобы взрослые смотрели в небо. А вот когда бабушка молилась, она смотрела в небо. Православие дополнило наши верования. Оно поднимало ввысь, давало простор душе. И я невольно, как и бабушка моя, смотрел на божков несколько иронически. Но деревянные боги – это был зов предков, их традиции, которые бабушка пыталась сохранить. Это все соединилось в моей душе. Когда приехал в Ханты-Мансийск патриарх Алексей II, я подарил ему книгу «Пасхальный день».

– *В одной из ваших статей я прочитала, что стихи в первую очередь должны быть красивыми. Что для вас красота?*

– Этот вопрос относит нас к поэзии. А поэзия – это прежде всего гармония. Часто я страдаю от того, что происходит в мире, ведь рушится гармония.

Поэзия – это и удивление. Удивление от того, как будто кто-то говорит тебе поэтические слова. Я пишу ночью. Как не поверить в чудо, когда такое происходит. Я однажды проснулся, когда звезда уходила за край. Это предутренний час. А руки мои

протянуты к небу. Звезда сияет. Она сейчас уйдёт. И вот звезда ушла. И таких видений в моей жизни было несколько.

– *А почему, как вы думаете?*

– Думаю, что я многое еще не сделал. Вот сейчас выходит книга «Видения пророков». У меня есть стихотворение «Отшельник». То, что мне тоже однажды привиделось. В пустыне живет отшельник. И таскает камень на горку. Люди узнали об этом и стали ему помогать. И выросла церковь... Художник сделал оформление книги. Три пророка. Это удивительная картина.

Пришло время, когда балом правит зло. Я часто встаю ночью. Вижу, что происходит. Вот идут трое подростков-наркоманов, вот девицы легкого поведения. Вот казино. А если обратить свой взгляд на Москву – там полночь еще страшнее. Бандиты, ворье. А если я поднимусь выше, увижу, что на земле идут войны, что брат убивает брата. И мне не спится.

Живущему в подлунном страхе

Поэту сумеречных дней

Своих, Отчизны и людей.

Следующая моя книга будет называться «Полночные призраки».

На Россию нашло сегодня затмение. Зло почти хозяйствует у нас. Оно забирает всё больше и больше душ. И идёт борьба.

У меня вышла книга «День боренья». Это призыв к людям: если вы не будете противостоять злу, если не будете активно творить добро, зло может столько натворить! Побойтесь за своих детей. У вас уже детей забирают. Мы уже продаём своих детей. Я сам был тому свидетелем в Свердловске.

А секты? Это же тысячи каких-то обществ, которым помогают Запад, США. Вот ко мне приходили. Я ответил: «Я поэт. Патриот. Человек, у которого всегда болит душа о своих ближних, детях». А сейчас – ювенальная юстиция. Она хочет противопоставить родителям детей. Если ребёнок сказал матери: «Ты мне не нужна», этот ребенок уже потерян. Из него вырастет духовный урод.

– *Да. Война информационная идёт на всех фронтах.*

– Садисься завтракать, смотришь телевизор – убили ребенка. Знаю, что есть программа ЦРУ, как действовать против России. И начинают взрывать изнутри, начинают с разрушения семьи. Снова говорили по телевидению, что в американской семье убили подростка из России. Как можно после этого писать? Ведь для стихов нужно настроение.

Лес – это особое место в моей душе. Смотрю на каждую травинку – радуюсь. И тут навстречу люди с топором за шишкой. Зачем взяли топор, бить по кедру?

– *Андрей Семенович, кого вы считаете в литературе своими учителями?*

– Я уже говорил, что поэзия – это гармония. Образ художественный, музыка (стихи должны быть музыкальными, напевными, об этом ещё Блок говорил), мысль поэта. Во время учёбы в педучилище меня увлек Фет. Удивила музыкальность, напевность его поэтических строк.

Уже в Ленинграде, когда я находился в трагической ситуации – у меня не было направления на учёбу, а я был устремлен учиться в Ленинграде, в то время для меня этот город был чудом – я познакомился с творчеством Есенина. Листья летящие. Горечь души. И стихи Есенина. Такая образная основа. Она захватывает, очаровывает. Поэт исповедально делится с миром, не боясь ничего. Он отдаёт себя на суд человеческий: да, я страдаю. Но только не за себя – за вас. И вот это приводило меня всегда в восторг.

Но однажды я увидел на обложке книги портрет Михаила Лермонтова и как будто снова вернулся в детство. У меня была в детстве точно такая же книга. На обложке – Лермонтов в бурке.

Лермонтов меня увлек по-другому. Его поэзия была связана с небом. Думаю, потому, что в его жизни было много трагичного. В раннем детстве у него умерла мать. Есть отец, который его любит. Но бабушка даёт знать отцу, что он будет воспитываться с ней. Отец – офицер, и в душе понимает, что он не воспитатель. И тогда он встречается с нянькой, кормилицей маленького Лермонтова. И говорит ей только одно: береги. Его взгляд ожег её душу. И она поняла, что должна любить не только своего родного сына, но и маленького Мишу. И она любила двоих.

– Мне тоже в определенный жизненный период был близок Лермонтов. Жизнь-трагедия. Какой-то внутренний надрыв.

– Получилось так, что возле Тамани живёт мой друг. И первым делом, когда я приехал в Тамань, пошел в музей поэта, в избушку, в которой в «Герое нашего времени» Печорин переночевал. Друзья оставили меня этой комнате. Стол, сундук, на стене ни одного образа. Как пишет Лермонтов: дурной знак. В комнате меня охватило странное чувство: какая-то лёгкая дрожь. По повести – разбитое окно, куда проникает морской ветер. Мне показалось, что Лермонтов бывает здесь. И с такой думой я покинул избушку. Потом мы пошли в Фанагорийскую крепость, там Печорин должен был сделать отметку в своих дорожных документах, но комендант крепости сказал, что войско ушло. Эта масса эмоций, которые я пережил. Ко мне привязались две строки: «Заглушить рокотание моря Соловьиная песнь не вольна». Это строчки Александра Блока из «Соловьино сада». Я говорю другу Виктору Жорнику: «У меня родилась задумка. Вот какие строчки». Он отвечает: «Не беспокойся. Это эпиграф». Получился толчок. И уже следующей ночью у меня родились новые строки поэмы. А поэму я назвал «Вознесение».

Так получилось, что приехал отдыхать в эти тёплые края осенью. В одну из ночей начался такой шторм, что ломались деревья. Рокотало, клокотало, как вселенский орган. И у меня было такое потрясение, что когда за мной приехали – везти в Тамань, я лишь спросил: «Дуб у обрыва стоит?» – «Стоит. А что?» Мне показалось, что ночью меня бросило к этому дубу. Так рождалась поэма.

– А из современных поэтов кто вам интересен?

– У того же Виктора Жорника очень интересные стихи. Дмитрий Мизгулин хорошо пишет. Глеб Горбовский, Николай Астафьев. Таланты есть. Это хорошо.

– А писатели?

– Чингиз Айтматов. Из современных – Владимир Маканин. Мы с ним учились вместе на Высших сценарных курсах. Он написал поэму о чеченской войне «Асан». Это для меня было большим потрясением. Интересно творчество Тимура Пулатова, благодаря ему я съездил в Ташкент во время землетрясения. Эта поездка для меня была трагедией. Столько стона, рыданий.

– Современный человек боится боли. Вокруг сегодня столько зла и боли. И мы становимся глухими и слепыми. А у поэтов открытое сердце, они вбирают в себя эту боль. И через неё, наверное, и рождаются поэтические строчки.

– Только так: через страдания. Ведь я в своей жизни не придумал ни одной строчки. Все эти образы, видения были даны свыше. И только открытое сердце может это в себя вобрать. Если бы у меня была возможность, я бы объехал весь мир. Но в советские годы меня не выпускали, я был «мятежный» поэт. А мне надо было видеть и слышать. Но у меня была такая редкая возможность учиться с великими людьми. Я много печатался. И у меня еще много планов.

Источник: Поливанова, С. Все звуки мира тянутся ко мне / Югра, октябрь 2011. – с. 56–59.